
НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ

Б.О. Николаичев

10.7256/2070-8955.2013.01.3

СТАДИЯ ЗЕРКАЛА И ПРОЕКТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Аннотация. *Статья продолжает тему лакановского учения о стадии зеркала в развитии ребёнка, изложенную в предыдущем материале, посвященном С. Дольто. На этот раз речь идет о трактовке этой темы в творчестве Уилфреда Биона (1897-1979) — английского психоаналитика, одного из видных теоретиков глубинной психологии. Он расширил наше понимание психопатических процессов мышления. Он описал много нового, характеризуя нормальное мышление, а также целый ряд эмоциональных факторов, позволяющих отличить психотическое состояние от нормального. В материале отмечается роль М. Кляйн в кристаллизации данной концепции.*

Ключевые слова: *психология, психоанализ, стадия зеркала, сексуальность, развитие ребёнка, патология, проективная идентификация, тревога, интроекция, контейнирование.*

Бион внёс важный вклад в наше понимание патологии опыта пациента в отношении любой пары. Он подчеркивал склонность пациента разрушать связь между двумя объектами, прототипом которой является связь между ртом и грудью, пробуждающей в ребенке ненависть и зависть. Бион писал, что, даже когда ребенок является участником в творческом акте, разделяя вызывающий зависть эмоциональный опыт, он также идентифицирует себя с отторгнутым участвующим лицом, с вытекающими отсюда страданиями, завистью и ревностью.

Бион описывал ситуацию, когда ребенок, столкнувшись с родительским образом, не способным воспринять или быть толерантным к проекциям ребенка, которые становились все более буйными и хаотичными, оказывался в безнадежном положении. Редко встречаются родители, которые способны содержать то, что на них проецируется, или разумная эдипальная пара, которая в творческом общении способна принимать проекционный образ и выдерживать его.

Таким образом, вслед за М. Кляйн, Бион постулирует раннюю форму эдипова комплекса. Реакция ребенка на опыт или фантазию креативной связи — прежде всего между ртом и грудью, позже между сексуальными родителями — трансформируется во враждебную и деструктивную сексуальность, вызывающую в фантазии представление об идеальной (стерильной) паре. Понимание способа пробуждения зависти ребенка к родительской паре с яростной и разрушительной проекцией на нее, с тем чтобы разлучить родителей или сделать их стерильными, истолковывает

многие патологические ситуации, с которыми сталкиваются психоаналитики.

Бион расширил концепцию проективной идентификации Кляйн, вводя в схему примитивную душевную коммуникацию и обмен. Младенец проецирует на грудь свою тревогу и зачаточные примитивные элементы реальности (бета-элементы). Мать, способная содержать (контейнировать) проективную идентификацию, бессознательно обрабатывает эти проекции и адекватно воспринимает потребности ребенка. Когда это происходит, младенец может реинтроектировать (т.е. «овнутрить») свои проекции, измененные пониманием, а также интроектировать грудь как емкость, которая в состоянии содержать в себе тревогу. Это формирует основу его личной способности управляться с тревогой. Такая модификация понимания трансформирует бета-элементы в альфа-элементы, под которыми подразумевается более высокий уровень душевного функционирования. По Биону, хорошее взаимоотношение между емкостью и содержимым есть базис для таких более поздних способностей, как введение символов и развитие ментальных навыков. Когда же взаимосвязь существенно нарушена неблагоприятной реакцией матери или завистью ребенка (обычно комбинацией обоих факторов), создается базис для будущих психотических расстройств.

Плохое взаимоотношение между емкостью и содержимым решительным образом воздействует на появление эдипова комплекса. Бион предположил, что при хорошем («симбиотическом») взаимоотношении между емкостью и содержимым два объекта «делят третий к пользе всех трех». Скверное же («паразитиче-

ское») взаимоотношение «продуцирует третий объект, деструктивный для всех трех».

У. Блон считал, что отсутствие у матери сдерживающего начала имеет для личности некоторых людей пагубные последствия, развивая у них губительно завистливое супер-эго, которое не позволяет им научиться поддерживать подобные связи с любыми объектами или научиться добиваться установления таких связей. Блон поясняет, что неспособность матери вникнуть в суть проекций своего ребенка переживается самим ребенком как разрушительная атака с ее стороны на связующее их звено и возможность коммуникации с ней как с хорошим объектом.

Идея хорошего материнского объекта может быть восстановлена только через такое нарушение герметичности, чтобы теперь уже ощущалось существование враждебной силы, которая наносит ущерб хорошей связи ребенка с собственной матерью. Материнская доброта теперь уже сомнительна, ненадежна и зависит от него, ограничивающего свое знание о ней. Расширение знания о матери как следствие развития ребенка и его любопытства воспринимается как угрожающие этой жизненно важной взаимосвязи. Любопытство также обнаруживает существование эдипальной ситуации. В развитии каждого ребенка это серьезное испытание веры в доброту собственной матери. Для ребенка нежелание принять данную ситуацию и иное представление о матери естественно. Ребенок, который пытался получить новое знание о матери, подвергся угрозе. Это порождает в его психике понимание ее статуса. А также рождается ощущение грядущей опасности из-за ее отношений с отцом ребенка.

Бешеная ярость и враждебность, которые поднялись бы от такого открытия, воспринимаются как опасные для его веры в мир, где могут существовать хорошие объекты. Грозная сила, которая угрожала его исконной связи с матерью, теперь уже отождествляется с эдипальным отцом, а связующее родителей звено воспринимается как грозная опасность. Невосприимчивая беспощадная мать отвлеклась от ребенка. Исконная связь ребенка с хорошим материнским объектом ощущается как источник жизни. Когда же этот объект оказывается под угрозой, то и сама жизнь воспринимается как находящаяся в опасности.

Вот почему в процессе психоаналитического лечения многие пациенты полное осознание родительской сексуальности воспринимают как угрозу жизни. Выявление при проекции полного эмоционального значения идеи первосценности сопровождается у них приступами смерти. Значительная осведомленность в эдипальной ситуации также оценивается как начало психической катастрофы.

М. Кляйн и У. Блон, столкнувшись со всем этим, отмечали, что психотик калечит собственную психику, только чтобы не допустить осознания этого момента. У пациентов-шизофреников психический аппарат расщеплен и мышление становится невозможным.

Влияние М. Кляйн

В истории психоанализа после Фрейда было совершено две революции. (Об этих революциях пишет известный исследователь В.П. Руднев). Первую совершила английский психоаналитик Мелани Кляйн. Она постулировала две ранние «позиции» у младенцев: параноидно-шизоидную (примерно до полугода) и депрессивную (после шести месяцев и до года). Для первой характерны расщепление материнской груди на «хорошую» и «плохую» и тревога преследования со стороны «плохой» груди, а также отсутствие осознания матери как целостного объекта. Для второй характерно осознание матери как целостного объекта и скорбь по поводу кажущейся утраты матери.

Но самым главным достижением Мелани Кляйн было открытие нового механизма защиты (помимо уже известных к тому времени проекции, интроекции, идентификации, отрицания и других) — проективной идентификации. Это когда ребенок бессознательно вкладывает плохие содержания своей психики, например обиду, в психику матери и заставляет ее вести себя так, как будто она на самом деле такая плохая, какой он ее хочет видеть, манипулируя ее бессознательным.

Вторую революцию совершил скромный госпитальный психиатр и психоаналитик, прошедший у Мелани Кляйн учебный анализ, — Уилфред Рупрехт Блон. Блон был человеком математического склада. Он построил психоаналитическую таблицу (решетку), сравнимую по значимости с таблицей Менделеева. Все мысли, от самых примитивных до сложных дедуктивных концепций, расположены по вертикали в этой таблице; все действия психоаналитика, от самых примитивных до самых тонких, расположены по горизонтали. В результате психоаналитик может пользоваться каждой клеткой таблицы, чтобы понимать, что он делает в данный момент и что делает в данный момент его пациент. Это самое очевидное открытие Блона. Оно лежит на поверхности. Но что заставляет считать его мыслителем XXI в.? Ведь он умер в 1979 г.

В новом столетии мы можем задать вопрос: кто из философов после смерти Делёза и Дерриды осуществил радикальный переворот в гуманитарной сфере? Подчеркнем, что этих известных ученых не было бы, если бы не начал свою деятельность Ж. Лакан. Ведь именно он подготовил почву для их концепций

еще в 50-е и 60-е гг. минувшего столетия. Лакан и в наши дни продолжает оказывать влияние на людей, способных к философской рефлексии (например на Славоя Жижека).

Бион был вдохновлен идеями Мелани Кляйн, в особенности ее концепцией проективной идентификации и перехода от параноидно-шизоидной позиции, который он в свойственной его уму математической манере обозначил как $PS — D$ (используются буквы английской транскрипции). Бион понял, что этот переход от одной позиции к другой и обратно к первой действует не только у детей, но и у взрослых.

Контейнирование

В 1959 г. У. Бион случайно услышал от одной из своих пациенток следующую фантазию: «С точки зрения младенца, она должна была бы принять в себя и тем самым пережить страх, что ребенок умирал. Такой страх, который ребенок не мог контейнировать. Он стремился отщепить его от себя вместе с той частью индивидуальности, в которой он находится, и спроецировать его на мать. Понимающая мать способна испытывать чувство страха, с которым этот ребенок пытается справиться с помощью проективной идентификации, и при этом продолжает выглядеть спокойной. У пациентки должна была быть такая мать, которая не могла выносить такие чувства и реагировала либо отрицанием их права на существование, либо, наоборот, становясь жертвой тревоги, возникшей после интроекции чувства младенца»¹.

От такого определения материнской функции, выраженной здесь как фантазия младенца, и развилась перенесшая проверку временем теория аналитической функции. От аналитика требуется принимать в себя некоторые переживания пациента. Как выразился психоаналитик Г. Розенфельд, необходимо войти в достаточный контакт с чувствами и мыслями пациента, чтобы почувствовать и пережить самому, что происходит в пациенте. Что-то из психического состояния пациента, которое было выражено, должно быть принято и интернализовано аналитиком.

Р. Хиншелвуд подчеркивает, что в наших обычных отношениях с другом или с семьей проекция не сопровождается расщеплением. Но психоаналитическое лечение стремится воспроизводить такие психические состояния, которые пациент действительно хочет отщепить. Он или она делает это из-за невыносимости — подобно примеру У. Биона о младенце, который

паникует, потому что боится, что умирает. Сама природа психоанализа состоит в том, что аналитик будет испытывать как раз те чувства, которые не сможет испытывать пациент. Аналитик должен что-то с ними сделать. Простое проецирование их назад будет злить пациента и продолжать панику. Он почувствует, что аналитик тоже не может их выдержать. Они становятся еще более невыносимыми и бессмысленными для него. В терминах У. Биона состояние пациента переходит из паники в безотчетный ужас.

С другой стороны, аналитик, как мать, может интернализировать переживание, чтобы сделать его более терпимым. Такая перемена и называется контейнированием. В отличие от матери младенца аналитик использует слова. Работа состоит в назывании того состояния, которое пациент не может ясно сформулировать для себя. В случае успеха конечным результатом становится осмысленная, выраженная в словах экспрессия, конвертированная из сырой проективной невербальной эвакуации.

У. Бион назвал такой процесс создания сознательного смысла из чего-то непереносимого и невозможного для мысли альфа-функцией. Именно эту функцию и привносит аналитик; он делает из неосмысленных переживаний что-то значащее и передаваемое. Данная функция формулирует это запоминающимся высказыванием: «Нападение на альфа-функцию, вызываемое ненавистью или завистью, уничтожает возможность сознательного контакта пациента с самим собой или другими как с живыми объектами. Соответственно, мы слышим о неодушевленных объектах и даже о местах, когда обычно ожидали бы услышать о людях. Они, хотя и описывающиеся устно, ощущаются пациентом как присутствующие материально, а не просто как представленные своими названиями. Такое состояние противоположно анимизму, потому что живые объекты наделяются характеристиками смерти»².

Бион относит это к тонким видам нападения, когда из коммуникации изымается жизнь и она выглядит унылой и мертвой. Именно качество разумной жизнестойкости и атакуется в самом пациенте, во взаимодействии, в психике аналитика. Это связано с идеей М. Кляйн о развитии как основанном на интернализации и идентификации с хорошим объектом. Теперь можно сказать, что данный хороший объект имеет определенную характеристику. Он хороший, потому что он из невыносимых и неосмысливаемых переживаний делает смысл. Таким образом, психика аналитика — это реципиент проекций пациентов, которые иногда невидят аналитика за то, что тот способен извлекать значение. Итак,

¹ Идеи У.Р. Биона в современной психоаналитической практике. Сборник научных трудов. М., 2009. С. 306-307.

² Там же. С. 308.

завистливый пациент пытается лишить и уничтожить у сепарированного аналитика его силы *делать смысл*, который пациент не может сделать сам для себя.

Расщепление как самодеструкция

М. Кляйн следовала данному ходу мыслей, когда в 1932 г. впервые упомянула об инстинкте смерти и, по сути, расценила его как первичный мазохизм, который представляет для младенца первую опасность и должен быть отклонен вовне на объект. Она продолжала развивать свое понимание самодеструкции, свойственной шизоидным обнаружениям. В 1946 г. она описала пациента, рассказывавшего о чувствах фрустрации, зависти и обиды: «Когда я интерпретировала... что эти чувства были направлены против аналитика и что он хотел уничтожить меня, его настроение резко изменилось. Тон его голоса стал скучным, он говорил медленным невыразительным образом и сказал, что чувствовал себя в данной ситуации отстраненным. Он добавил, что моя интерпретация кажется правильной, но что это все равно. Фактически он больше не имел никаких желаний, и ничто не заслуживало его беспокойства»³.

Его болезненные чувства неожиданно исчезли. Что-то, как она выразилась, исчезло без следа: «Он направил свои разрушительные импульсы своего объекта на *свое эго*»⁴. Результатом стало нарушение его способности к приданию эмоциональной значимости. Он сохранил свою *когнитивную* способность вспоминать сказанное ею, но некая угрожающая эмоциональная часть его эго была отщеплена.

Когда М. Кляйн проинтерпретировала данную переменную настроения так, что он должен уничтожить часть самого себя, то это «... снова имело результатом переменную настроения пациента. Он расчувствовался, сказал, что ему хочется плакать, был подавлен, но чувствовал себя более интегрированным; затем он также выразил чувство голода»⁵.

Мы видим в данном эпизоде, приведенном Р. Хиншелвудом, насколько сильно интеграция эго подвижна: части могут быть отщеплены и исчезать, как если бы направленная на себя агрессия могла действовать в определенные моменты, а затем при соответствующих условиях так же быстро появляться вновь.

М. Кляйн также описала, как эти части самости могут быть спроецированы на внешние объекты и обреты вновь в ком-либо еще, воплощающем потерянную самость, — процесс, называемый проективной

идентификацией. В примере М. Кляйн такая самодеструкция называется защитной. Пациент и эмоции были разрушены. Это намного более экстремальный процесс, чем вытеснение. Такого рода процесс оказывается нарушением, постулируемым при шизофрении. Статья М. Кляйн 1946 г. породила в 1950-1960-х гг. интерес к экспериментальным анализам шизофреников, особенно у Г. Розенфельда, Х. Сигал и У. Биона.

В частности, Г. Розенфельд обратился к феномену супер-эго у пациентов-шизофреников. Поскольку такого рода пациент никогда ранее не прогрессировал далее параноидно-шизоидной позиции, тип его чувства вины крайне преследующий и карающий. По своему характеру такая вина отличается от депрессивной вины, склонной требовать больше компенсации, чем наказания. Различные идеи и клинические наблюдения о деструктивном расщеплении предполагали единый мотив психологической защиты. Достаточно трудно считать самодеструктивность защищающей эго, и всегда имелось подозрение, что в этих процессах присутствует еще что-то. Замечание Фрейда о строгости супер-эго это подразумевает. По поводу враждебности такого невыносимого морального супер-эго У. Бион сказал: «Это завистливое утверждение морального превосходства без какой-либо морали»⁶. Во враждебности содержится что-то большее, чем нравственная критика, и ссылка У. Биона на зависть подразумевает, что существует ничем не вызванная деструктивность и самодеструктивность.

Данный вид супер-эго, кажется, воплощает деструктивность ради самой деструктивности, и это ставит его очень близко к инстинкту смерти. Иначе говоря, это импульс, ищущий собственного удовлетворения, своего рода эстетическое удовольствие от разрушения самости или объекта. У. Бион описал что-то подобное этому в первой своей статье о шизофрении: «Пациент вошел в комнату, тепло пожал мне руку, и, глядя проникающим взглядом в мои глаза, сказал: “Я думаю наши сессии ненадолго, но не позволяйте мне когда-нибудь их прекратить”. Я знал из предыдущего опыта, что этот пациент обижался, что сессий слишком немного, но что при этом они ограничивают его свободное время. Он хотел расщепить меня, заставляя дать одновременно две противоположных интерпретации, на что указывала его последующая ассоциация: “Откуда лифт знает, куда ехать, когда я нажимаю две кнопки сразу”».

Таково намерение, как Бион назвал его, нападать на психику аналитика. Это как если бы аналогично либидо существовало инстинктивное влечение к смерти, которое эго должно удовлетворить и раз-

³ Там же. С. 300.

⁴ Там же. С. 301.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 303.

рядить, т.е. удовольствие от вреда и деструкция сама по себе. Статья У. Биона была опубликована в 1953 г., за два лет до того, как М. Кляйн в 1955 г. сделала свой первый доклад о первичной зависти. Зависть — это всего лишь именно такой импульс к деструктивности, это нападение на хороший объект из-за его хорошесть. Не потому что он представляет угрозу, от которой человек должен защищаться, а прямо наоборот. В примере У. Биона, если на психику аналитика напали из зависти, то только потому, что эта психика могла принести пациенту пользу. Самодеструктивность зависти состоит в том, что она нападает на объект, желающий, чтобы эго оставалось живым и процветало. И потому пациент нападет сильнее всего только на такие полезные аспекты анализа.

О галлюцинациях

Фрейд, как утверждал Бион, не делал особого различия между понятиями расщепления и диссоциации. Первичные процессы расщепления порождают мелкую фрагментацию и сознательно создают сепарацию. Диссоциация же протекает мягче, соблюдая естественные границы между целостными объектами и фактически следуя границам раздела, совершая сепарацию. Диссоциация ставит под сомнение вопрос о зависимости от предсуществования элементарной словесной мысли.

Исходя из своего опыта, Бион убежден, что описанные им странные объекты можно обнаружить в том, что обычно называют бредом. Фрейд в работе «Конструкции в анализе» предполагает, что бред может быть эквивалентом конструкций, которые мы строим в процессе аналитического лечения. Хотя он отмечает, что при психозе они почти не эффективны. Бион считает, что бред пациента обладает таким качеством и что часть бреда — это попытки использовать странные объекты в помощь терапевтической интуиции. Если это так, то можно проследить связь между бредом и галлюцинациями.

Эти галлюцинации более сравнимы с истерическими галлюцинациями, описанными Фрейдом, нежели с психотическими, которые имели место на ранней стадии анализа. Появление этих различий напрямую связано с ростом способности пациента переносить депрессию. Отличия между двумя типами галлюцинаций, истерическими и психотическими, прослеживаются в содержании. Истерические галлюцинации состоят из целостных объектов и связаны с депрессией, психотические галлюцинации состоят из элементов сродни частичному объекту. У психотического пациента встречаются два типа галлюцинаций.

О высокомерии

Бион обратил внимание на то, что в материалах определенного класса пациентов можно рассмотреть отсылки к любопытству, высокомерию и тупости, столь рассеянных и отделенных друг от друга, что их соотношение может ускользать от обнаружения. На смысл, которым Бион хочет наполнить термин «высокомерие», может указать то предположение, что при преобладании в личности инстинктов жизни гордость становится самоуважением, а когда преобладают инстинкты смерти, гордость становится высокомерием.

Их отделенность друг от друга и отсутствие признаков какой-либо их соотнесенности является признаком того, что произошла катастрофа. Чтобы прояснить связь между отсылками к ним, Бион пересказывает миф об Эдипе с точки зрения, которая сдвигает сексуальное преступление на периферию истории, а на центральное место ставит высокомерие Эдипа, поклявшегося раскрыть истину любой ценой.

Этот сдвиг акцента помещает в центр истории следующие элементы: Сфинкса, который загадывает загадку и разрушает себя, когда загадка разгадана; слепого Тересия, который обладает знанием и сокрушается о решимости царя отыскать это знание; оракула, подталкивающего к поиску, о котором сокрушается пророк; и снова царя, который, завершив поиск, страдает от слепоты и изгнания. Это история, элементы которой различимы среди руин психики, к которой указывают путь разрозненные отсылки к любопытству, высокомерию и тупости.

Бион имел в виду пациентов, у которых психотические механизмы активны и должны быть аналитически раскрыты, прежде чем может быть достигнута стабильная корректировка состояния. На практике анализ таких пациентов как будто бы следует закономерностям, знакомым нам по лечению неврозов, но с тем важным отличием, что улучшение их состояния не выглядит соизмеримым с проделанной аналитической работой. Аналитик, лечащий как будто бы пациента невротика, должен считать негативный терапевтический отклик вместе с появлением разрозненных, невзаимосвязанных отсылок к любопытству, высокомерию и тупости признаком того, что он присутствует при психологической катастрофе, с которой ему придется иметь дело.

Можно предположить, что подход к этой проблеме обусловлен возникновением в анализе одной из этих отсылок, и так оно на самом деле и есть. Важно, что отсылку к любому из этих трех качеств аналитику следует толковать как значимое событие, требующее расследования и провоцирующее сопротивление, более упорные, чем обычно. Но проблема осложнена тем,

что сама по себе аналитическая процедура как раз и есть манифестация любопытства, которое ощущается компонентом, внутреннее присущим психологическому бедствию. Вследствие этого сам факт анализирования пациента делает аналитика сообщником в усилении регрессии и превращении самого анализа в эпизод отыгрывания. С точки зрения успешного анализа, такого развития следует избегать.

Если выразиться аналитически, можно надеяться, что предпринимаемые расследования завершатся воссозданием эго. Однако эта цель сокрыта, поскольку данная аналитическая процедура стала отыгрыванием деструктивных атак, направленных против эго повсюду, где только оно оказалось замеченным, т.е. где бы эго ни проявилось — у пациента или аналитика. Эти атаки очень напоминают описание, данное М. Кляйн младенческим атакам на грудь.

Если мы обратимся к рассмотрению того, что в реальности вызывает такую ненависть у пациента, что он вынужден уничтожать эго, которое сталкивает его с этим, было бы естественным предположить, что это нечто — сексуально ориентированная эдипова ситуация. У Бiona есть серьезные аргументы в пользу такого предположения. Когда воссоздание эго продвигается настолько, что в поле зрения попадает эдипова ситуация, довольно часто мы обнаруживаем, что это стимулирует дальнейшие атаки на эго. Но есть свидетельство тому, что некий другой элемент играет важную роль в провоцировании деструктивных атак на эго и его последующей дезинтеграции.

Отличие психотической личности от непсихотической

Эта тема обнаруживается в тончайшем расщеплении всех частей личности, связанных с осознанием внутренней и внешней реальности и изгнанием этих фрагментов, которые проникают в объекты и поглощают их. Эти выводы Бion сделал на основании аналитического взаимодействия с шизофреническими пациентами и были опробованы на практике. Бion имеет в виду прежде всего описание психотического аппарата, который приводится в действие принципом реальности. Он учитывает также представления М. Кляйна о фантазийных садистических атаках, которые младенец направляет на грудь в шизоидно-параноидной фазе. Он также учитывает открытие проективной идентификации.

Посредством этого механизма пациент отщепляет часть своей личности и проецирует ее на объект, в котором она утверждается иногда как наказующая и покидает психику, от которой она была отщеплена, тем самым обедняя ее. Я не связываю шизофрению с

некоторыми механизмами. Есть личность, которая демонстрирует четыре существенных свойства. А именно: преобладание деструктивных импульсов — настолько сильных, что даже любовный импульс захлестывается ими и превращается в садизм. Ненависть к внутренней и внешней реальности, распространяемая на все, что способствует ее осознанию, страх полной аннигиляции и, наконец, преждевременное и стремительное формирование объектных отношений (из которых самое главное — перенос), интенсивность которых сильно контрастирует со слабостью поддерживать эти отношения. Преждевременность, массивность и хрупкость являются патогностическими признаками и имеют важное следствие в конфликте инстинктов жизни и смерти.

Тип отношений, которые устанавливаются с аналитиком, — это преждевременная, стремительная и интенсивная зависимость, когда под давлением своих инстинктов жизни и смерти пациент углубляет контакт. Во-первых, расщепление личности и проекция ее фрагментов на аналитика (т.е. проективная идентификация) становятся активными и вызывают описанные Г. Розенфельдом состояния спутанности. Во-вторых, ментальная и прочая активность, посредством которой доминирующий импульс (вне зависимости от того, связан ли он с инстинктом жизни или смерти) стремится выразить себя, сразу подвергается искажению со стороны временно подчиненных импульсов. Обеспokoенный искажениями и стремящийся устранить состояние спутанности пациент возвращается к более ограниченному взаимоотношению. Колебания между попыткой расширить контакт и ограничить его продолжают на протяжении всего анализа.

Обратимся теперь к тем свойствам, которые Бion обозначил как внутренне присущие шизофренической личности. Эти свойства убедительно показывают, что их обладатель проходит шизоидно-параноидную и депрессивную позиции совершенно по-другому, нежели тот, кто этими свойствами не обладает. Отличие заключается в том, что такое сочетание свойств вызывает фрагментацию личности на мельчайшие части, в особенности — фрагментацию аппарата реальности (Фрейд описал этот аппарат как подчиняющийся принципу реальности) и массивную проекцию этих фрагментов личности на объекты внешнего мира.

Бion говорил о связи между депрессивной позицией и развитием вербального мышления и о важности этой связи в осознании внутренней и внешней реальности.

В своей статье «Неврозы и психозы» Фрейд описал одну из отличительных черт неврозов: «В первом случае

эго в силу своей преданности реальности подавляет часть Ид (жизнь инстинктов), тогда как при психозе то же самое эго, обслуживая Ид, отказывается от части реальности». Затем Фрейд перечисляет: все большая значимость обращенных к внешнему миру органов чувств и связанного с ними сознания; внимание, которое он называет специальной функцией, призванной обследовать внешний мир в поисках уже известных данных, которые могут потребоваться при возникновении срочной внутренней потребности; система меток, которая сохраняет задачу сохранения результатов этой повторяющейся деятельности сознания, описываемая им как часть того, что мы называем памятью; суждение, которое должно решать, верна или ложна некоторая идея; использование двигательной разрядки при соответствующем изменении реальности, а не буквальной при разгрузке психического аппарата от нарастающей стимуляции. И, наконец, мышление, которое, по его словам, дает возможность терпеть фрустрацию.

Бион значительно расширяет функцию и роль мышления. Контакт с реальностью маскируется всемогущественной фантазией, которая стремится разрушить либо реальность, либо стремление ее понять. В результате этого возникает состояние, которое не является ни жизнью, ни смертью. Поскольку контакт с реальностью никогда не теряется полностью, явления, которые мы привыкли связывать с неврозами, никуда не исчезают, но лишь усложняют анализ, возникая попутно с психотическим материалом при достижении некоторого прогресса. Поскольку эго сохраняет контакт с реальностью, можно говорить о существовании параллелей между психотической и непсихотической личностями.

Другая поправка Биона касается того, что отрыв от реальности — это иллюзия, а не факт, и возникает она в результате развертывания проективной идентификации, противодействующей работе психического аппарата, описанного Фрейдом. Фантазия доминирует и представляется пациенту не фантазией, а реальным фактом. Пациент ведет себя так, как если бы его восприятия были расщеплены на множество мельчайших фрагментов, проецируемых на объект.

Достаточно больные пациенты (психотические) имеют внутри своей психики наряду с не-психотической частью личности, подверженной различным невротическим механизмам, с которыми психоанализ привык иметь дело, также и психотическую часть личности, которая настолько доминирует, что затмевает непсихотическую часть личности (с которой она непосредственно соприкасается и противодействует).

Ненависть к реальности, отмеченную З. Фрейдом, сопровождают психотические фантазии младенца о

садистических актах на грудь, описанные Кляйн как часть шизоидно-параноидной фазы. В этой фазе психотический пациент расщепляет на чрезвычайно крохотные фрагменты как объекты, так и все части своей личности, которые могли бы дать ему возможность осознать ненавистную реальность. Фактически именно эти фрагменты вызывают у психотического пациента ощущение неспособности восстановить объекты и свое эго. В результате таких расщепляющих атак с самого начала подвергаются риску все свойства личности, которые однажды должны были бы составить способность интуитивно понимать себя и других. Все описанные Фрейдом функции, обеспечивающие (на более поздних стадиях) соответствующие развитию ответные реакции на принцип реальности, — такие, скажем, как осознание ощущений, внимание, память, оценка, которые необходимо отнести к начальному этапу жизни: садистические расщепляющие выхолащивающие атаки, в результате которых живое фактически фрагментируется и затем изгоняется из личности, чтобы пронзить объекты или инкапсулировать их. В фантазии пациента изгнанные фрагменты эго начинают жить независимой и неконтролируемой жизнью, внедряются во внешние объекты или заключают их в себя. Они продолжают выполнять функции так, как если бы суровое испытание, которому они подверглись, служило лишь увеличению их количества и провоцировало враждебное отношение к изгнавшему их психическому. В результате пациент ощущает себя окруженным странными объектами.

Каждый объект ощущается как часть реального объекта, инкапсулированная внутри поглотившей его части личности. Сущность этого замкнутого фрагмента будет определяться в какой-то мере свойствами реального объекта (скажем, граммофона), а в какой-то мере — свойствами той части личности, которая его поглотила. Если часть личности связана со зрением, то играющий граммофон будет восприниматься рассматривающим пациента. Объект, сопротивляясь поглощению, так сказать, расширяется, заполняет и берет под контроль поглощающую его часть личности, — настолько, что эта часть личности становится вещью. Так как пациент зависит от этих фрагментов, используемых им как прототипы идей, позже они станут матрицей, на которой возникнут слова, — такое заполнение части личности наполненным, но контролирующим объектом вызывает у пациента ощущение, что слова являются тем, что они означают, и тем самым создают описанную Х. Сигал путаницу из-за того, что пациент отождествляет, но не символизирует.

Тот факт, что пациент использует эти объекты для мышления, приводит к новой проблеме. Если считать, что в результате расщепления и проективной иденти-

фикации объекты освобождают его от знания о реальности, тогда ясно, что он может в наибольшей степени защитить себя от реальности при наименьших затратах усилий, если направит свои деструктивные атаки на связь — какую угодно, которая объединяет чувственные впечатления и сознание. Осознание психической реальности связано с развитием способности к вербальному мышлению, а формирование последней — с депрессивной позицией. Важность формирования символа и раскрывает его связь с вербальным мышлением и компенсирующими драйвами, которые обычно относят к депрессивной позиции. Вред, который становится более явным в депрессивной позиции, фактически был заложен в шизоидно-параноидной фазе, когда уже должна была быть заложена основа примитивного мышления, но этого не произошло из-за чрезмерного расщепления и проективной идентификации.

Фрейд наделяет мышление функцией, обеспечивающей механизм сдерживания активности. Но затем он пришел к убеждению, что, вероятно, вначале мышление было бессознательным в той мере, в какой оно поднималось над воображением и поворачивалось к отношениям между представлениями об объектах, и что оно было наделено дополнительными свойствами, которые могли быть восприняты созданием только в связи с мнемическими следами слов.

Бион утверждал, что его опыт привел его к предположению, что на начальном этапе существует особое мышление, связанное скорее с символами и зрением, нежели со словами и слухом. Этот вид мышления определяется способностью к сбалансированной интроекции и проекции объектов и в еще большей степени — к их осознанию. Сказанное относится к свойствам не-психотической части личности, отчасти в силу расщепления и изгнания уже Бионом описанного Бионом аппарата.

В результате действий не-психотической части личности пациент осознает, что интроекция ведет к формированию бессознательного мышления, о котором Фрейд говорил как «повороте к отношениям между представлениями об объектах». Бион считал, что именно это мышление, которое Фрейд описывал как обращенное к отношениям между объектными представлениями, ответственно за сознание, связанное с чувственными впечатлениями. Бион укрепился в этом мнении в результате утверждения Фрейда, сделанного им в статье «Эго и Ид». Фрейд задавался вопросом «Как нечто становится сознательным?» Бион полагал, что эту мысль Фрейда можно сформулировать более корректно: «Как нечто становится предсознательным?» Ответ Биона можно изложить так: Ответ может быть таким: «Посредством связывания предмета с относя-

щимися к нему словесными образами». Вербальное мышление тесно связано с осознанием психической реальности. Это Бион считал также верным и для раннего до-вербального мышления. В свете того, что уже сказал об атаках психотического пациента на сам психический аппарат, обеспечивающий осознание внешней и внутренней реальности, следует ожидать, что развертывание проективной идентификации будет особенно интенсивным в отношении мышления (какого угодно), обращенного к отношениям между представлениями об объектах, так как если такую связь можно усилить, или лучше никогда больше не измышлять, тогда будет разрушено по крайней мере представление о реальности, хотя бы даже сама реальность осталась нетронутой.

Однако фактически разрушительная работа уже наполовину сделана, поскольку материал, на основе которого строится мышление (в не-психотической части) посредством сбалансированной интроекции и проекции) является недоступным психотической части личности, потому что замещение проекции и интроекции на проективную идентификацию оставляет этим частям личности лишь странные объекты.

Фактически атакуется не только примитивное мышление за то, что оно связывает чувственные восприятия реальности с сознанием, что из-за присущей психотикам деструктивности процессы расщепления распространяются на связи внутри самих процессов мышления. Аналогично тому, как Фрейд считал, что мышление обращено к отношениям между впечатлениями от объектов, данная примитивная матрица идеограмм, на которой строится мышление, содержит в себе связи идеограмм друг с другом. Все они атакуются до тех пор, пока, наконец, не останется ни одного объекта, который можно было бы поставить рядом с другим и при этом сохранить присущие каждому из них и реализуемые (путем объединения) свойства образовывать новый ментальный объект.

В результате становится затруднительным формирование символов, которые терапевтически влияют на способность соотносить два объекта так, чтобы делать явными их сходства и при этом не терять существующие между ними различия. На более поздней стадии результат таких расщепляющих атак проявляет себя в отказе от членораздельной речи (артикуляции) как от принципа согласования слов. Последнее не означает, что объекты не будут сопоставляться, т.е. это ни в коей мере не является верным. Далее, поскольку то, что связывает, не только фрагментируется, но также проецируется на объекты, связывая эти странные объекты, когда пациент чувствует себя в плену незначимых жестоко вкрапленных связей, которые жестко соединяют объекты.

Список литературы:

1. Бион У. Внимание и интерпретация. СПб, 2010.
2. Бион У. Дни наших жизней // Идеи Биона в современной психоаналитической практике. Сб. научных трудов. М., 2008.
3. Бион У. Нападения на связь // Идеи Биона в современной психоаналитической практике. Сб. научных трудов. М., 2008.
4. Бион У. Научение через опыт переживания. М., 2008.
5. Бион У. О высокомерии // Идеи Биона в современной психоаналитической практике. Сб. научных трудов. М., 2008.
6. Бион У. О галлюцинации // Идеи Биона в современной психоаналитической практике. Сб. научных трудов. М., 2008.
7. Бион У. Отличие психотической части личности от непсихотической // Идеи Биона в современной психоаналитической практике. Сб. научных трудов. М., 2008.
8. Бион У. Элементы психоанализа. М., 2009.
9. Гринберг Л. и др. Введение в работы У. Биона. Группы, познание, психозы, мышление, трансформация, психоаналитическая практика / Л. Гринберг, Д. Сор, Э. Табак де Бьянчеди. М.: Когито-Центр, 2007.
10. Старовойтов В.В. Современный психоанализ: основные школы и направления развития. М., 2013.

References (transliteration):

1. Bion U. Vnimanie i interpretatsiya. SPb, 2010.
2. Bion U. Dni nashikh zhizney // Idei Biona v sovremennoy psikhoanaliticheskoy praktike. Sb. nauchnykh trudov. M., 2008.
3. Bion U. Napadeniya na svyaz' // Idei Biona v sovremennoy psikhoanaliticheskoy praktike. Sb. nauchnykh trudov. M., 2008.
4. Bion U. Nauchenie cherez opyt perezhivaniya. M., 2008.
5. Bion U. O vysokomerii // Idei Biona v sovremennoy psikhoanaliticheskoy praktike. Sb. nauchnykh trudov. M., 2008.
6. Bion U. O gallyutsinatsii // Idei Biona v sovremennoy psikhoanaliticheskoy praktike. Sb. nauchnykh trudov. M., 2008.
7. Bion U. Otlchie psikhoticheskoy chasti lichnosti ot nepsikhoticheskoy // Idei Biona v sovremennoy psikhoanaliticheskoy praktike. Sb. nauchnykh trudov. M., 2008.
8. Bion U. Elementy psikhoanaliza. M., 2009.
9. Grinberg L. i dr. Vvedenie v raboty U. Biona. Gruppy, poznanie, psikhozy, myshlenie, transformatsiya, psikhoanaliticheskaya praktika / L. Grinberg, D. Sor, E. Tabak de B'yanchedi. M.: Kogito-Tsentr, 2007.
10. Starovoytov V.V. Sovremennyy psikhoanaliz: osnovnye shkoly i napravleniya razvitiya. M., 2013.